

ЗАПИСКИ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ, перевод и комментарии акад. М. М. Покровского, Издательство АН СССР, 1948, 559 стр., цена 25 руб.

Выход в свет «Записок Юлия Цезаря» в переводе академика М. М. Покровского — долгожданное и радостное событие не только для специалистов по античной литературе, но и для всех читателей, в какой бы то ни было мере интересующихся историей. Полного русского перевода произведений Цезаря мы не имели почти уже сто лет; полный перевод, сделанный А. Клевановым, вышел в 1857 г.; он является библиографической редкостью и, конечно, уже во многом не удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются к переводу в наше время. Перевод одной только «Галльской войны», сделанный В. Рудаковым и изданный в 1894 г. в популярной серии «Моя библиотека», остался малоизвестным; он не преследовал никаких научных задач, но в отношении литературного языка был удовлетворителен. Некоторые другие переводы отдельных книг и даже полные (например, Гринфельда, Одесса, 1908) служили в первую очередь учебным целям и лишь в очень малой степени старались соблюдать требования литературной русской речи, в большинстве же случаев скатывались до уровня совершенно безграмотных подстрочников для неуспевающих гимназистов.

Новый полный перевод, сделанный крупнейшим русским исследователем римской литературы и знатоком латинского языка, продуманный им до мельчайших подробностей, несомненно, должен вызвать у читателей живейший интерес и привлечь к себе усиленное внимание. Поэтому к нему надо подойти особенно вдумчиво. Чтобы понять все своеобразие и оценить все достоинства этого перевода, необходимо уяснить себе те трудности, которые стоят перед переводчиком произведений Цезаря, и те способы, какими может быть достигнута максимальная точность перевода при сохранении характера произведения и строгом соблюдении требований живого литературного русского языка.

Неискушенный читатель, знающий понаслышке, что Цезаря читал каждый гимназист в возрасте 12—13 лет, может подумать, что едва ли могут представиться какие-либо трудности в переводе того писателя, которого считали наиболее «легким» для работы с учениками. Однако всякий, кто имел дело с переводом с любого языка, знает, что легкость текста для общего понимания отнюдь еще не равнозначна его легкости для литературного перевода. Далее, люди, не знакомые с системой преподавания древних языков в рядовой старой гимназии, не отдадут себе отчета в том, что «Записки о Галльской войне» были выбраны как материал для чтения на первых ступенях изучения латинского языка именно потому, что синтаксический строй их довольно сложен и разнообразен и дает возможность усвоить и закрепить всевозможные придаточные предложения и бессоюзные обороты при сравнительной несложности и однообразии содержания и повторяемости лексического материала.

Задача хорошего литературного перевода заключается в том, чтобы дать ясное и полное представление о данном авторе не тому, кто читал или даже изучал его в оригинале, и даже не тому, кто может, хотя бы с трудом, познакомиться с оригиналом, а тому, кто не читал его. Это положение, верное относительно всех литературных переводов, особенно важно применительно к переводам с древних языков. Перевод должен приводить на своего читателя то же впечатление, какое производит подлинник на того, кто достаточно знает язык, чтобы воспринимать подлинник как произведение литературное.

Работа над литературным переводом, ставящая себе такую цель, является работой творческой, как бы в о с с о з д а н и е м подлинника на родном языке переводчика.

Стремясь к такой цели, переводчики могут, однако, по-разному понимать то, в чем именно заключается этот процесс воссоздания, и избирать различные пути для достижения максимальной верности передачи оригинала. Один может считать наиболее необходимым по возможности строго соблюдать с и н т а к с и ч е с к и й строй речи данного автора, который, действительно, для многих авторов является характерным признаком их стиля. Многие переводчики античных авторов шли именно по этому пути. Но если при переводе с греческого еще до некоторой степени возможно

приблизить строй русской фразы к строю подлинника, то при переводе латинской прозы это почти невозможно; латинский синтаксис настолько отличается от русского, что очень близкая к подлиннику передача строя фразы ведет в русском переводе к неуклюжим, громоздким построениям, пзобилующим всевозможными придаточными предложениями, деепричастными и причастными оборотами, приложениями и т. п.

Переводчик может стремиться к максимальной л е к с и ч е с к о й точности перевода, к единообразному переводу отдельных терминов и слов; такой подход к тексту чрезвычайно важен там, где дело идет о философских или научных произведениях, в которых иногда незначительное изменение в переводе одного слова может совершенно исказить смысл текста. В произведениях повествовательного характера соблюдение такой точности в переводе отдельных слов может, напротив, повести к механическому переводу и умертвить живую суть подлинника.

Накопец, переводчик может стремиться к наивысшему виду точности и верности перевода, — к точности с е м а н т и ч е с к о й; в таком случае он исходит не из формы речи оригинала и не из составных элементов этой речи — отдельных слов, — а из основного смысла каждого слова в д а н н о й фразе, каждой фразы в д а н н о м отрывке; он стремится не к переводу в буквальном смысле слова, а к нахождению равноценных выражений (эквивалентов) в родном языке. Только такой перевод обеспечивает полноту и верность передачи впечатления, производимого подлинником, и он же является наиболее трудной формой перевода, так как он требует безукоризненного знания языка подлинника со всеми его семантическими оттенками и особенностями, смелого обращения с чисто-формальными явлениями языка и большой гибкости и чуткости в обращении с родным языком.

Трудно было бы найти переводчика, который мог бы лучше выполнить эти требования, чем М. М. Покровский. Те, кто имел счастье быть его слушателем, помнят тот глубокий семантический анализ, с помощью которого он делал якобы «мертвый» латинский язык живым, и помнят также тот исключительно богатый русский язык, которым он говорил. Все это отразилось в его переводе «Записок Юлия Цезаря», основной характер которых заключается в том, что это — суммарные записки п о л к о в о д ц а о своих походах; составные элементы этих записок — рассказ о военно-дипломатических переговорах и военных действиях, довольно скупые географические и еще более скупые этнографические данные. Все это изложено четко, сжато и несколько сухо, и над всем господствует интерес к военному делу как таковому и к военным успехам. Этот основной интерес Цезаря сквозит и в сдержанных похвалах храбрости военачальников и солдат, и в еще более сдержанных досадливых сообщениях о неудачах, и в искусно построенных речах дипломата-завоевателя и его противников. Именно этот основной характер «Записок» сумел передать в своем переводе М. М. Покровский. «Записки» Цезаря стали и н т е р е с н ы в его переводе, они читаются, как увлекательный военный роман; текст, знакомый и даже успевший надоесть каждому преподавателю латинского языка, не раз разобранный им с грамматическими, стилистическими и реальными комментариями, этот текст зазвучал по-новому, стал живым, даже захватывающим в переводе М. М. Покровского. Этот перевод — работа огромного мастера.

Чтобы понять, какими средствами достигается такое мастерство, подвергнем анализу несколько отрывков, сравнив приемы перевода М. М. Покровского с приемами двух прежних переводчиков, — А. Клеванова и В. Рудакова. Для сравнения возьмем сцены различного характера: беседу Цезаря с Дивитиаком (I кн., 20 гл.), посещение галльских послов (I кн., 32 гл.), батальную сцену (V кн., 31 гл.) и речь Критогната в осажденной Алесии (VII кн., 77 гл.).

I кн., 20 гл. А. Клеванов (1857)

«Дивитиак, обливаясь слезами, о б н я в Ц е з а р я, умоляет его не быть слишком строгим к его брату; что все обвинения на него, к несчастью, слишком справедливы; что это никою так не о с к о р б л я е т д о д у ш и, как его, Дивитиака; что в то время, когда он, Дивитиак, пользовался честью и уважением не только сооте-

чественников, но и всей Галлии, брат его был еще слишком молод и не пользовался никаким значением; что, будучи всем обязан ему, Дивитиану, он всеми средствами старался не только уничтожить его влияние, но и погубить его... Долго со слезами умолял об этом Дивитиак Цезаря. Тот, взяв его правую руку, просит его успокоиться и не молить его более, уверяя его, что он так его любит, что из расположения к нему готов забыть обиду свою личную и отечества).

В. Рудаков (1894)

«Дивитиак, со слезами на глазах и обняв Цезаря, умолял его не называть брата. «Я знаю,— говорил он,— что все это правда, и я имею право огорчаться на него более, чем кто-либо другой; в то время, как я пользовался громадным влиянием и в своем отечестве и в остальной Галлии, он, вследствие молодых лет, не имел никакого и возвысился впоследствии исключительно благодаря мне; между тем он употребил свою силу на то, чтобы уронить меня в мнении граждан и даже пытался убить...» Так он умолял Цезаря, обливаясь слезами, и тот, держа его за правую руку, старался успокоить и уговаривал перестать его просить, сказав, что в силу расположения к нему и уступая его желанию и просьбам, он готов простить Думнорикса и забыть оскорбление, нанесенное республике, и свое огорчение».

М. М. Покровский (1948).

«Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и начал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата; он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он; ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине, а тот, по своей молодости, не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождавшуюся обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу и измену римскому народу и свое личное оскорбление».

Преимущества перевода М. М. Покровского, помимо общего впечатления живой красивой русской речи, с точки зрения верности передачи текста следующие: фразу «*Divitiacus... Saesareth complexus...*» и Клеванов, и Рудаков переводят буквально «обняв Цезаря», что при существовавших между Цезарем и галльскими вождями отношениях было невозможно; дальнейшая ситуация: «взяв Дивитиака за правую руку», тоже не соответствует «объятиям». М. М. Покровский в первую фразу вставляет в скобках — «обняв [колена] Цезаря», во второй опускает слово «правую», как понятное само собой; вся сцена становится естественной и живой. Слово «*dolor*», встречающееся в этом отрывке дважды, переводится Клевановым, как «оскорбляет его до души» и «обиду свою и отечества», Рудаков оба раза переводит его как «огорчение»; М. М. Покровский, глубже вдумываясь в отношения действующих лиц между собою, понимает, что Дивитиака поведение брата «огорчает», а Цезаря «оскорбляет», по отношению же к Римской республике его поведение является изменой: не буквальный перевод слова «*iniuriam rei publicae*», а смысловой, вытекающий из общего положения вещей. Также только М. М. Покровским замечено слов «*raepe*» в фразе «*raepe ad perniciem suam uteretur*» — оба других переводчика пишут неточно: «старался погубить» и еще решительней «пытался убить».

Переходим ко второму отрывку.

I кн., 32 гл. *Клеванов.*

«Когда Дивитиак окончил говорить, то все галлы, сколько их было в собрании, с великим плачем стали просить Цезаря подать им руку помощи. Цезарь заметил,

что одни секваны не следовали примеру других, но, в горе, потупив головы, смотрели в землю. Удивленный этим, Цезарь спросил их о причине, но они ничего не отвечали и пребывали в грустном молчании. Несколько раз спрашивал секванов Цезарь и не мог от них добиться никакого ответа. Наконец эдуй Дивитиак сказал Цезарю: «Жребий секванов потому ужаснее и тягостнее всех прочих, что одни они не смеют даже и тайно жаловаться, ни молить о помощи; жестокости отсутствующего Ариовиста они опасаются столько же, как если бы он был здесь. Прочим есть возможность спастись бегством; секваны же, приняв Ариовиста в свои пределы и отдав в его власть все свои города, не могут избежать страшных от него мучений».

Рудаков.

«После этой речи Дивитиака все присутствовавшие стали слезно умолять Цезаря о помощи. Среди них одни только секваны, как заметил Цезарь, не плакали и ничего не говорили, стояли печальные, с опущенными вниз головами. Цезарь спросил их о причине такого поведения, но не получил никакого ответа, несмотря на то, что повторил свой вопрос несколько раз; тогда тот же самый эдуй Дивитиак ответил: «Тем участь секванов плачевнее и горше, нежели других галлов, что они одни не смеют даже тайно обратиться с жалобой или за помощью, что они одни должны бояться жестокости отсутствующего Ариовиста, точно бы он присутствовал среди них; прочие, по крайней мере, могут бежать, а секваны, призвавшие к себе Ариовиста и отдавшие ему свои города, должны выносить всевозможные истязания».

М. М. Покровский.

«После этой речи Дивитиака все присутствующие с громким плачем стали умолять Цезаря о помощи. Цезарь заметил, что только секваны не делают того, что другие, но с опущенной головой печально смотрят в землю. Он с удивлением спросил их о причине такого поведения. Секваны ничего не отвечали, но продолжали молчать и оставались печальными, как прежде. Он несколько раз повторил свой вопрос, но так и не добился от них ни звука. Тогда тот же эдуй Дивитиак ответил: «судьба секванов тем печальнее и тяжелее положения остальных галлов, что они даже тайно не смеют жаловаться и молить о помощи: Ариовист страшен для них своей жестокостью даже заочно, как если бы он сам был перед ними. Ведь все остальные имеют возможность хоть бежать, а секванам же придется терпеть всякие мучения, так как они приняли Ариовиста в свою страну и все их города находятся в его власти».

Этот отрывок, переведенный неплохо и обоими прежними переводчиками, тем не менее значительно выигрывает в переводе М. М. Покровского; перевод фразы «Цезарь заметил, что только секваны... не делают..., смотрят» в настоящем времени, а не в прошедшем, не только точнее передает латинский текст, но живее звучит по-русски. Также верный, но тусклый перевод «не добился ответа», «не получил ответа» М. М. Покровский заменяет живым разговорным оборотом «так и не добился ни звука», что, кроме того, больше соответствует и латинскому «*neque ullam omnino vocem ex grime posset*». Наконец, в последней фразе описательная форма «*essent referenda*» передана у М. М. Покровского чрезвычайно простым и вполне равноценным по смыслу выражением «придется терпеть», между тем, как в переводах Клеванова и Рудакова нет указания на то, что секванам грозят беды в будущем, если Ариовист узнает об их жалобах; в обоих переводах говорится о том, какие беды они терпят в настоящее время.

Таким образом, не только более глубокое знание языка, но и более внимательное отношение к определенной конкретной ситуации дает возможность М. М. Покровскому гораздо совершеннее передавать смысл подлинника.

То же умение представлять себе реальную обстановку, в какой протекает дей-

ствие, отражается в переводе М. М. Покровского и в описании боевых сцен и географических описаний. Приведем один небольшой пример. В отрывке идет речь о засаде, устроенной Амбиоригом против римлян в узкой долине. Вот как изображают это событие другие переводчики.

У кн., 31 гл. *Клеванов.*

«Когда большая часть нашего войска, не опасаясь и не подозревая ничего, спустилась в глубокую долину, вдруг неприятель показался по обеим сторонам дорог, преградив дорогу шедшим впереди и тесня задние ряды наши. Бой был для нас неизбежен при самых для нас неблагоприятных условиях местности».

Рудаков.

«Лишь только главная часть нашего отряда спустилась в громадную котловину, они вдруг выскочили с той и другой стороны ее, стали теснить задние ряды, мешать передним выбраться наверх и завязали бой на весьма неудобном для наших месте».

В обоих переводах непонятно, каким образом появившиеся с обеих сторон враги оказываются впереди и сзади римского войска, растянувшегося по долине.

В переводе *М. М. Покровского* картина совершенно ясна:

«Как только большая часть их [римлян] колонны спустилась в котловину, неприятели показали у обоих выходов и стали теснить арьергард, а авангарду преграждать подъем». Это вполне соответствует и реальным возможностям засады в котловине и латинскому выражению «*ex utraque parte eius valis*».

Последний пример приведем из отрывка, носящего риторический и патетический характер. Для того, чтобы оценить полностью, насколько М. М. Покровский господствует над текстом, а не текст над ним, надо сперва привести оригинал:

Кн. VII., гл. 77: *Nam quid illi simile bello fuit? Depopulata Gallia Cimbri magna que illata calamitate finibus quidem nostris aliquando excesserunt atque alia s t e r r a s p e t i e r u n t: iura, leges, agros, libertatem nobis relinquerunt. Romani vero quid petunt aliud aut quid volunt, nisi invidia adducti, quos fama nobiles potentesque bello cognoverunt, horum in agris civitatibusque considerare atque his aeternam iniungere servitutem? Neque enim ulla alia condicione bella gesserunt.* Большую трудность для перевода представляет период от «*Romani*» до «*servitutem*», ввиду его сжатости по форме и насыщенности по содержанию.

Приводим ряд переводов этого периода:

Клеванов.

«Римляне же, движимые завистью к вашей воинской славе и могуществу, домогаются одного: водвориться в городах ваших и на землях ваших и поработить вас навсегда; с этой целью ведут они постоянно все войны».

Воскресенский (1881).

«Римляне же чего другого домогаются и желают, как не того, чтобы, побуждаемые завистью, наложить вечное рабство на тех, о которых они по слухам узнали, что они знамениты и могущественны на войне, поселившись на их землях. Ибо они не вели войны по каким другим причинам».

Рудаков.

«Но чего же другого добиваются завидующие нам римляне, чего же они хотят, как не того, чтобы поселиться на землях тех, которые, как они слышали, славны и могущественны на войне, и чтобы навязать нам вечное рабство. И, ведь, ни одной войны не вели они с другой целью».

Гринфельд (1908).

«Чего другого добиваются римляне или чего другого они желают, как не того, чтобы под влиянием зависти поселиться на землях и во владениях тех, о которых о н и узнали, что о н и известны своей славой и сильны на войне, и наложить на них вечное рабство. Ведь они не вели н и к а к о й д р у г о й в о й н ы с д р у г и м намерением».

Ни один из литературных переводов не дает представления о пафосе подлинника.

Прочтем теперь — лучше всего вслух — перевод *М. М. Покровского*.

«А римляне? К чему стремятся и чего иного хотят эти подстрекаемые завистью люди, как не того, чтобы завладеть полями и всей территорией и навеки поработить всякий славный и воинственный народ, о котором только они услышат? С какой-нибудь иной целью они никогда не вели войн».

Легкость, выразительность и звучность перевода *М. М. Покровского* не требуют доказательств.

Преимущества того метода перевода, который избран *М. М. Покровским*, ясны из вышеприведенных примеров. Путем полного овладения подлинником во всех его особенностях *М. М. Покровскому* удалось воссоздать Цезаря и приблизить его к современному русскому читателю. В этом стремлении приблизить текст к современному читателю скрывается, однако, и некоторая опасность, которой частично *М. М. Покровскому* все же избежать не удалось; это — опасность некоторой модернизации языка. Единственный упрек, который можно сделать крупному мастеру перевода, это — употребление слишком современных, нередко заимствованных слов там, где их можно было без труда заменить общеупотребительными русскими словами; таковы, например, слова: блокада, редут, демонстрация сил, багаж, кавалерия, позиция, и др.

В заключение надо обратить внимание еще на некоторые специфические трудности перевода с латинского.

Первой такой трудностью можно считать очень частый переход из прошедшего времени в *praesens historicum* и обратно; в русском языке тоже возможен такой переход в настоящее время для живости рассказа, но обратный переход в прошедшее время может быть сделан только при начале нового эпизода. Прежние переводчики, строго следуя постоянному колебанию временных форм глагола в оригинале, сильно портили этим русский текст; *М. М. Покровский*, не подчиняющийся букве текста, гораздо гармоничнее располагает смену времен; однако кое-где встречаются и слишком резкие переходы; например, в 31 гл. V книги, повествующей об очень бурных событиях и выдержанной в настоящем времени, одна фраза выпадает из общего стиля: «Споры з а т я г и в а ю т с я до полуночи. Наконец Котта с д а л с я н а приведенные доводы. Предложение Сабина б е р е т верх».

Другой значительной трудностью является перевод косвенной речи, которой изобилуют «Записки» Цезаря. Передача ее придаточными предложениями делает текст утомительным для понимания и скучным для чтения; передача ее в прямой форме (к этому приему прибегает Рудаков) все же очень сильно изменяет стиль Цезаря, лишь в редких случаях прибегающего к прямой речи.

В переводе *М. М. Покровского* эта трудность обойдена с помощью очень удачного издательского приема — все косвенные и прямые речи напечатаны курсивом.

Перевод *М. М. Покровского* издан прекрасно; приятно взять в руки этот большой, но удобный по размеру, красиво переплетенный том, напечатанный на хорошей бумаге, без опечаток, с приложением четких фотографий. К переводу приложена вводная статья самого переводчика, интересная и блестящая, как все его произведения, но понятная только для того, кто уже хорошо знает соответствующий период римской истории; для читателя малоподготовленного она недостаточно систематична. Сжатый, но очень четкий комментарий, небольшая, но хорошо иллюстрированная статья о военном деле у римлян во времена Цезаря, подробный указатель собственных имен, несколько карт и таблица для перевода римских дат на современные дополняют эту прекрасную книгу.

Проф. М. Е. Грабарь-Пассек